

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
СЕРАФИМА ЧЕБОТАРЬ

БОЖЕСТВЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Елена Прекрасная, Анна Павлова, Фаина
Раневская, Коко Шанель, Софи Лорен,
Катрин Денёв и другие

Самые желанные женщины

Виталий Вульф

Божественные женщины. Елена Прекрасная, Анна Павлова, Фаина Раневская, Коко Шанель, Софи Лорен, Катрин Денев и другие

«Яуза»

2014

Вульф В. Я.

Божественные женщины. Елена Прекрасная, Анна Павлова, Фаина Раневская, Коко Шанель, Софи Лорен, Катрин Денев и другие / В. Я. Вульф — «Яуза», 2014 — (Самые желанные женщины)

На этих женщин молились миллионы мужчин. Их имена знает каждый. Им поклонялся весь мир. От Елены Прекрасной до Коко Шанель, Жаклин Кеннеди, Софи Лорен и Катрин Денёв, от Фаины Раневской до Анны Павловой, Анны Ахматовой, Фриды и Эдит Пиаф – в этой книге собраны биографии самых восхитительных, несравненных, БОЖЕСТВЕННЫХ женщин. На этих женщин молились миллионы мужчин. Их имена знает каждый. Им поклонялся весь мир. От Елены Прекрасной до Коко Шанель, Жаклин Кеннеди, Софи Лорен и Катрин Денёв, от Фаины Раневской до Анны Павловой, Анны Ахматовой, Фриды и Эдит Пиаф – в этой книге собраны биографии самых восхитительных, несравненных, БОЖЕСТВЕННЫХ женщин.

© Вульф В. Я., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Елена Троянская. Вечная красота	5
Наталия Гончарова. Свет красоты	10
Мата Хари. Женщина, умевшая любить	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виталий Вульф

Божественные женщины: Елена Прекрасная, Анна Павлова, Фаина Раневская, Коко Шанель, Софи Лорен, Катрин Денёв и другие

Елена Троянская. Вечная красота

Самой известной из всех совершенных красавиц остается, бесспорно, Елена Прекрасная: ее совершенный облик и трагическая судьба тысячелетиями привлекают к себе внимание человечества. И хотя предание о ней зародилось так давно, что сейчас самый придирчивый ученый не сможет найти его истоков, оно дошло до нас, охранив свою прелесть и очарование.

Если б ее никогда не существовало, ее следовало бы выдумать: образ самой прекрасной женщины на свете, с которой не могли сравниться даже боги, — одна из вечных фантазий человечества, которому всегда был нужен идеал недостижимой и в то же время человеческой красоты. И, чтобы не прогневить богов и не вызвать зависть людей, совершенная красота, как нередко бывает на самом деле, никому не приносит счастья: веками в этом находят утешение все те, кто не обладает ни красотой, ни удачей.

Легенда о прекрасной Елене складывалась из многих источников — каждая область Греции имела свою версию, и каждый античный поэт и мифограф считал своим долгом добавить собственный вариант.

Но хотя детали во многом не совпадали, сама суть мифа всегда была неизменна. Отцом Елены был Зевс — верховный бог древнегреческого пантеона, прославившийся не только своей силой и великими деяниями, но и многочисленными любовными похождениями. Своих возлюбленных он зачастую посещал в различных обликах: известно, что Деметру он соблазнил в

облике змея, дочь финикийского царя Европу – в виде быка, к аргосской царевне Данае явился, обернувшись золотым дождем, а к наяде Эгине – огнем. Рассказывают, что к Леде, прекрасной супруге спартанского царя Тиндарея, Зевс пришел в облике лебедя – после соития царица снесла яйцо (согласно разным источникам, яиц могло быть два или три), из которого появились дети: Полидевк, Елена и, возможно, Кастор и Поллукс. По другой версии мифа, Леда, гуляя по берегу реки Еврот, нашла в зарослях гиацинтов яйцо, которая снесла после встречи с лебедем Зевсом богиня Немесида. Эта богиня ведала возмездием и справедливостью: возможно, она появилась в мифе о прекрасной Елене для того, чтобы своей божественной сущностью придать вес и высший смысл всему, что будет происходить в дальнейшем.

Елена росла в доме царя Тиндарея, который воспитывал ее как собственную дочь, не ведая о ее божественном происхождении. Но красота Елены, поражающая воображение уже тогда, когда сама она была еще ребенком, навела его на подозрения: в конце концов Тиндарей добился от своей жены признания в том, что настоящим отцом прекрасной девочки был сам Зевс. Гневаться на богов было не принято – и Тиндарей, как говорят, даже счел свой дом благословенным: ведь на его жену обратил внимание сам великий Громовержец!

По сообщениям мифографов, Елена еще не достигла брачного возраста, когда слухи о ее невероятной красоте достигли ушей знаменитого героя Тесея и его друга Пирифоя: оба недавно овдовели и решили добыть себе в жены дочерей Зевса. Их выбор пал на Елену: когда девушка прибыла в храм Артемиды, дабы принести богине жертвы, ее похитили прямо из храма. Согласно жребию, Елена досталась Тесею: тот отвез прекрасную добычу в дом своей матери Эфры, а сам вместе с Пирифоем отправился добывать супругу для него. Юная Елена, по одним рассказам, нетронутой ждала, пока Тесей вернется из похода, а по другим – вынашивала зачатого от Тесея ребенка. После того, как братья Елены разыскали и освободили ее, она будто бы родила в Аргосе дочь Ифигению, которую отдала на воспитание своей сестре Клитемнестре, жене царя Микен Агамемнона.

Елену вернули в Спарту, однако ее репутация, как можно было бы предположить, не пострадала: она была настолько прекрасна, что самые доблестные герои Греции прибывали ко двору Тиндарея, дабы просить руки прекрасной Елены. Среди женихов предания называют царя Итаки Одиссея, этолийского царевича Диомеда, героя Патрокла и многих других. Тиндарей, справедливо опасавшийся, что десятки сильных и гордых мужчин, оскорбленные его отказом, перебьют и друг друга, и всю Спарту, долго тянул с ответом, пока, по совету хитроумного Одиссея, не решился передать право выбора самой Елене – предварительно связав всех женихов клятвой, что они всегда будут оберегать честь ее будущего супруга, кого бы она ни избрала.

Выбор Елены пал на Менелая – прекрасного телом и лицом царевича из Микен, младшего брата Агамемнона – возможно, именно он побудил Елену сделать такой выбор. После пышной свадьбы Менелай и Елена зажили в любви и согласии: вскоре у них родилась дочь, названная Гермией. После смерти Тиндарея Менелай унаследовал престол и стал править Спартой мудро и справедливо, во всем поддерживаемый своей женой.

В то же время герой Пелей, один из аргонатов, женился на богине Фетиде: брак этот устроили, по разным источникам, либо Гера в благодарность за то, что Фетиде отказала Зевсу в домогательствах, либо сам Зевс, которому было предсказано, что в случае его союза с Фетидой у той родится сын, который свергнет отца. На свадьбе в пещере кентавра Хирона пировали все боги и герои Греции – кроме богини раздора Эриды. Та, оскорбленная тем, что ее не позвали на свадьбу, подбросила пирующим золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей», и немедленно три богини – жена Зевса Гера, мудрая воительница Афина и богиня любви Афродита – заспорили, кому из них должно принадлежать яблоко. Зевс, к которому они обратились, отказался рассудить их спор, вместо этого он предложил им обратиться к незаинтересованному лицу – пастуху Парису, сыну царя Трои Приама. Богини, не надеясь только на собственную кра-

соту, стали обещать юноше чудесные дары: Гера сулила власть над Азией, Афина – воинскую славу, а Афродита – любовь прекраснейшей женщины на земле. Парис, недолго думая, присудил яблоко Афродите – и она навечно стала покровительницей и его самого, и всей Трои (в свою очередь Афина и Гера возненавидели троянцев). По совету Афродиты Парис отправился в Спарту, ко двору Менелая, где, стараниями коварной богини любви, очаровал прекрасную Елену. Когда ее супруг отбыл на Крит, Парис уговорил Елену бежать: она оставила мужа и Спарту, взяв с собой, как сообщают предания, драгоценности и множество рабов.

По другой версии, Парис похитил Елену, когда та молилась в храме Афродиты, и любовью к Парису она вспыхнула лишь в дороге – когда троянский корабль остановился на острове Краная. Некоторые же предания сообщают, что Парису достался лишь призрак Елены, который создала коварная Гера, – сама же Елена была перенесена в Египет, где прожила семнадцать лет в ожидании своего законного супруга.

Бывшие женихи Елены, поклявшиеся когда-то блюсти честь ее супруга, собрались вместе, чтобы примерно наказать коварного троянца и вернуть Менелая похищенную супругу. К ним также присоединился Ахилл – сын Пелея и Фетиды, величайший из героев. Несколько лет собиралось греческое войско – наконец армия, насчитывавшая сто тысяч воинов и больше тысячи кораблей, собралась в Авлидской гавани. Оракул предсказал Агамемнону, который командовал войском, что война продлится девять лет – но на десятый греки победят.

Прибыв после долгих приключений к стенам Трои, греки потребовали у троянцев выдачи Елены: Гомер сообщает, что она сама желала вернуться к мужу, однако троянцы отказали. Началась долгая осада Трои: девять лет греческое войско стояло под стенами города, и девять лет троянцы держали осаду, прячась за высокими стенами. В конце концов Агамемнон назначает день решительной битвы – однако было решено, что исход войны решит поединок Менелая и Париса: победитель получает и Елену, и сокровища, которые она вывезла из Спарты. Парис лишь с помощью Афродиты избежал гибели, но через несколько дней был ранен отравленной стрелой и вскоре скончался.

Овдовевшую Елену взял в жены брат Париса Деифоб: с одной стороны, таков был древний обычай – вместе с наследством брат получает и вдову брата, о которой должен заботиться. С другой стороны, Деифоб был сам влюблен в Елену: он всегда завидовал брату, его силе и удаче, и не мог упустить шанса получить в жены его вдову. К тому же Елена, оставшись свободной для брачных предложений, могла снова стать причиной раздора – ее красота очаровала многих троянцев, готовых биться с огромным греческим войском ради прекрасной царицы. Сама же Елена давно тяготилась своим состоянием: наведенный Афродитой любовный дурман рассеялся, а ужасы разыгравшейся войны отягощали ее совесть. Она даже пыталась бежать из города, но Деифоб, узнав об этом, поймал ее и запер во дворце. Согласно некоторым источникам, во время решающей битвы Елена, как могла помогала грекам, а своего нежеланного супруга в конце концов собственноручно зарезала.

Когда греки взяли Трою, Менелай разыскивал беглую жену с мечом в руках: согласно тогдашним обычаям, только ее смерть могла восстановить поруганную честь ее мужа. Его соратники, в свою очередь, тоже собирались предать ее жестокой казни – побиванию камнями, однако когда Елену нашли, она была столь ослепительно красива, что Менелай выронил меч и со слезами на глазах простил ее, и вслед за ним ее простило все греческое войско. После долгих странствий Менелай с супругой вернулся в Спарту.

Сообщения о дальнейшей судьбе Елены и Менелая снова расходятся. Одни говорили, что в конце концов очарованный Аполлон перенес Елену на небо и сделал созвездием, другие же рассказывали, что прекрасная Елена стала женой Ахилла и закончила дни на острове Левка в устье Дуная, куда удалилась ото всех, чтобы больше никого не смущать своей красотой. Самая распространенная версия гласит, что Менелай и Елена еще долго правили Спартой

– их могилы показывали в Феррапе, где было построено святилище в честь Менелая и происходили ритуальные игры.

На Родосе же бытовало другое мнение: после смерти Менелая Елена, изгнанная из Спарты наследниками Менелая, прибыла на Родос к своей подруге Полипсо, чей муж Тлеполе, сын Геракла, погиб в троянской войне. Полипсо винила в гибели мужа Елену – была в этом, вероятно, и женская зависть, и искренняя боль женщины, потерявшей любимого мужа. Поначалу будто бы преисполненная сочувствия к судьбе Елены, позже она подослала к ней, купающейся в море, своих служанок в образе Эриний – богинь мести. Служанки убили Елену, а труп повесили на дереве. Позже на этом месте был воздвигнут храм Елены Дендритиды (Древесной). Геродот рассказывал, что в этом храме совершались настоящие чудеса: многие некрасивые девушки, принеся жертвы на алтаре Елены, обретали дар красоты. Он же излагает легенду о поэте Стезихоре, который будто бы неуважительно отозвался о Елене в своей поэме: поэт ослеп, и смог вернуть себе зрение, только написав в честь Елены палинодию – поэму, где он отрекся от своих оскорбляющих Елену слов.

Волею судьбы Елена была прекраснейшей из всех живущих женщин, но счастья ей было отведено слишком мало. Возможно, именно это выделило Елену среди всех красавиц, когда-либо живших или созданных человеческим воображением: воистину великая красота была призвана вершить судьбы мира.

Наталия Гончарова. Свет красоты

Пожалуй, ни одна женщина в русской истории не вызывала в свой адрес такого количества сплетен, клеветы и откровенной ненависти – не за какие-то свои личные качества, но просто потому, что она была такой, какой была. Робкой и застенчивой девочкой, которой слишком рано пришлось повзрослеть. Редкостной красавицей, в которую были влюблены даже те, кто не был с ней знаком. Женой первого поэта России, матерью его детей. Его вдовой, которая осмелилась вторично выйти замуж. На ее могиле написано: «Наталия Николаевна Ланская». Но в истории она осталась вечно юной Натали Гончаровой...

Род Гончаровых стал известен при Петре I, который высоко ценил парусину и холсты, сделанные на гончаровских заводах. Именно за «размножение и разведение парусных и полотняных фабрик» Гончаровым было пожаловано потомственное дворянство. Несколько поколений рода заработали огромное состояние – и все было растрчено Афанасием Николаевичем Гончаровым, жившим в неслыханной роскоши. Он был женат на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной, от которой имел единственного сына Николая. К сожалению, Надежда Платоновна страдала душевным расстройством (что перешло по наследству и к ее сыну), проявившимся и усугубившимся из-за поведения ее мужа. В конце концов, устав от его капризов и измен, она от него ушла. Афанасий Николаевич сначала пожил холостяком за границей, затем поселился в своем имении Полотняный Завод, где завел гарем и продолжил тратить остатки своего состояния, – к слову сказать, от бывшего фантастического богатства после его смерти остались только полтора миллиона долгов – чудовищных размеров сумма по тем временам.

Николай Афанасьевич не был похож на отца. Страстный и талантливый музыкант, чувствительный и нервный, он в то же время был очень хозяйственным и распорядительным. В восемнадцать лет он женился на фрейлине Наталье Ивановне Загряжской, старше его на два года. Она была полузаконной дочерью богатого помещика старинного рода и его любовницы-француженки. Начитанная, образованная, но довольно грубая в манерах, в молодости Наталья Ивановна была так красива, что у нее случился бурный роман с Алексеем Охотниковым, фаворитом императрицы Елизаветы Алексеевны – супруги Александра I. Весь двор считал себя оскорбленным изменой Охотникова, – между прочим, императрица родила от него дочь, которая, правда, вскоре умерла. К Охотникову подослали наемного убийцу, а Наталью Ивановну срочно выдали замуж.

Через год после свадьбы молодые переехали в Полотняный Завод: Афанасий Николаевич как раз уехал за границу и поручил сыну управление имениями. Здесь, кроме родившегося в Петербурге сына Дмитрия, появились на свет почти все остальные их дети: Екатерина, Иван, Александрина и Сергей. Наталия, предпоследний ребенок, родилась в тамбовском имении, куда Гончаровы переехали из-за войны 1812 года: в Полотняном Заводе некоторое время была ставка Кутузова. Роды случились на следующий день после Бородинского сражения, 27 августа 1812 года – как потом говорила Наталия Николаевна, исторический день лишает ее возможности забыть счет прожитых лет.

Дела по управлению имениями шли хорошо, и семья жила счастливо – до тех пор, пока в 1812 году не вернулся из-за границы Афанасий Николаевич. Он сам взялся за дела и, как уже говорилось ранее, продолжал последовательно разорять семью. Через два года Николай Афанасьевич упал с лошади, сильно расшибся и с тех пор стал постепенно сходить с ума – пока в 1823 году окончательно не впал в буйное помешательство. Его пришлось держать дома, взаперти. Все заботы о семье легли на Наталью Ивановну. Тяжелая обстановка в доме чрезвычайно испортила ее характер. Дочерей она держала в абсолютном повиновении, всячески их притесняла, а сама все больше опускалась: как писал Пушкин, «она целый день пьет и со всеми лакеями живет». Тем не менее ей успешно удавалось вести дела семьи – что удивительно, особенно учитывая крайне бедственное материальное положение, в котором пребывали Гончаровы. Все дети получили прекрасное воспитание и отличались хорошим характером: были искренни, милы, доброжелательны, хорошо разбирались в искусстве – особенно Александрина и Наталия, которая даже писала стихи. Наталия, или Таша, как ее называли родные, была настоящим кумиром семьи – самая красивая из детей. Семья возлагала на нее большие надежды: ее выгодный брак мог поправить расстроившиеся дела Гончаровых. Несомненная красота – правильные черты лица, тончайшая (43 сантиметра!) талия и прекрасная фигура – освещалась тем не поддающимся описанию качеством, которое современники называли «поэтичностью», «чистейшей прелестью» и «несомненным очарованием». Отличительными чертами ее характера были предельная правдивость и искренность, чуткое сердце и огромная доброта. Болезненно скромная, мягкая, умная, сдержанная, кроткая, она с детства привыкла находиться в чужой воле, была податлива на чужое влияние и не выносила бурных проявлений эмоций. В своей юношеской тетради она записала как один из главных своих принципов: «Никогда никому не отказывать в просьбе, если только не противна она твоему понятию о Долге. Старайся до последней крайности не верить злу или что кто-нибудь желает тебе зла. Не осуждай никогда никого ни голословно, ни мысленно, а старайся найти если не оправдание, то хотя бы хорошие стороны, вызывающие жалость».

Таша обладала огромным тактом, была очень уравновешенна и выглядела даже холодной. Именно из-за кажущейся холодности у Наталии, когда она стала выезжать, не было страстных поклонников – хотя она и вызвала в свете фурор своей редкостной красотой. Ее сразу признали одной из первых красавиц Москвы – вместе с Александрой Алябьевой, в замужестве Киреевой. Алябьеву называли образцом классической красоты, в то время как Гончарова была образцом

красоты романтической. Пушкин писал в послании «К вельможе»: «...Влиянье красоты ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты и блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой».

Сам Александр Сергеевич впервые увидел Гончарову в декабре 1828 года – в ее первый светский сезон. Он тут же ей представился и заметил, что отныне вся его жизнь будет связана с ней. Он стал бывать у Гончаровых, а в апреле 1829-го сделал предложение. Наталья Ивановна ответила уклончиво: мол, Таша еще слишком молода и надо подождать.

Такой отказ, хоть и высказанный не прямо, можно объяснить многими причинами. Во-первых, Наталья Ивановна не теряла надежды на богатого жениха для дочери, а Пушкин, хоть и принадлежал к древнему роду, не имел ни постоянного дохода, ни достаточного капитала. Но и отказать прямо было невозможно – он был первым и пока единственным, кто попросил руки Таши.

Могло сыграть свою роль и то обстоятельство, что московский свет не воспринимал Пушкина как серьезного человека и тем более как солидного жениха: вольнодумец, безбожник, находящийся под полицейским надзором, к тому же легкомысленный любитель женщин. О его «донжуанском списке» до сих пор ходят легенды. Перешагнув тридцатилетний рубеж, Пушкин счел себя наконец созревшим для женитьбы – и немедленно начал свататься. Сначала, в ноябре 1826 года, к Софье Федоровне Пушкиной: увидев ее два раза, он влюбился и попросил своего друга, Василия Зубкова, сосватать ее – несмотря на то, что Софья уже была просватана. В то же время Пушкин ухаживал за Екатериной Ушаковой – девушкой красивой, очень умной и образованной, обладавшей живым характером. Однако предложения Ушаковой Пушкин так и не сделал – то ли откладывая «на потом», будучи уверенным в положительном ответе, то ли пребывая в поисках более достойной, на его взгляд, кандидатуры. В мае 1827 года Пушкин, будучи в Петербурге, увидел Анну Оленину, тут же влюбился, сделал предложение... Его приняли. Однако Пушкин к Олениной столь же быстро охладел и на вечер по случаю помолвки не явился. В это время Екатерина Ушакова уже была помолвлена с князем Долгоруковым – Пушкин эту свадьбу расстроил, но сам предложения так и не сделал.

С Ташей Гончаровой поначалу шло по тому же сценарию: молниеносная влюбленность, сватовство и быстрое охлаждение. Сразу посвататься к Наталии помешал отъезд Пушкина в Петербург, а затем через Москву в Тифлис. Получив во время этой остановки уклончивый, хотя и ясный отказ Наталии Ивановны, Пушкин не возвращался в Москву до сентября, а вернувшись – наткнулся у Гончаровых на ледяной прием. Обескураженный Пушкин продолжил ездить к Ушаковым, где насмеялся над собой и своей страстью к холодной «косоглазой мадонне». Через месяц Пушкин уехал в Петербург – и тут получил известие, что Наталия Гончарова сосватана за князя Мещерского. Ее образ все еще волнует поэта, но известие о ее скорой свадьбе вроде бы примиряет его с невозможностью жениться на ней. Но в феврале 1830 года из Москвы приехал один из приятелей Пушкина и привез привет от матери и дочери Гончаровых... Пушкин тут же бросился в Москву – и уже 6 апреля, в день Светлого Воскресения, сделал повторное предложение, которое на этот раз было принято.

Помолвка Таши с Мещерским расстроилась, так и не состоявшись, денег на дальнейшие выезды в свет почти не было – и Наталья Ивановна вспомнила о существовании Александра Пушкина.

Период жениховства был очень тяжелым. Наталья Ивановна, не скрывавшая своей нелюбви к Пушкину, как могла настраивала дочь против жениха – но Наталия Николаевна, без сомнения влюбленная в будущего мужа, сделала все, чтобы свадьба все-таки состоялась. Она, спокойная, застенчивая и скромная от природы, не позволяла жениху целовать себя – но осмеливалась противоречить матери, с которой ранее не могла и подумать спорить. Главным предлогом для откладывания свадьбы было приданое Таши: средств на него в семье не было, Наталья Ивановна наотрез отказывалась выдавать дочь «бесприданницей», а дедушка невесты, Афанасий Николаевич, денег не давал, зато надавал Пушкину множество хлопотливых и

ненужных поручений. Как писал Пушкин своему другу Павлу Нащокину: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 – и ничего своей внучке не дает». Помолвка несколько раз была на грани разрыва – в основном из-за того, что Наталья Ивановна устраивала Пушкину безобразные сцены, один раз дело почти дошло до составления так называемого «отступного трактата» – и каждый раз именно Таша добивалась их примирения. В конце концов деньги на приданое дал сам Пушкин – заложив свое имение. И свадьба с Натали, которую сам Пушкин называл «своей сто тринадцатой любовью», все-таки состоялась.

На мальчишнике Пушкин был необычно печален и мрачен. Перспектива семейной жизни пугала его... За неделю до свадьбы он написал Николаю Кривцову: «Ты без ноги, а я женат. Женат – или почти. <...> Мне 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

Венчание состоялось 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Во время обряда с аналоя упали крест и Евангелие, потом кольцо Пушкина упало на ковер, а в руках у него потухла свеча. Чрезвычайно суеверный Пушкин побледнел и сказал: «Все дурные предзнаменования...» Когда молодые вернулись из церкви, Наталья Ивановна вошла в спальню – и тут со стены упало ее зеркало и разбилось вдребезги. «Не пройдет это даром», – заметила Наталья Ивановна и всю жизнь напоминала об этом Пушкину.

Свадебный ужин был устроен в новонанятой квартире на Арбате. На следующее утро Пушкин весь день болтал с друзьями – и не вспоминал про жену до обеда. Она, одна в чужом доме, проплакала все утро...

Неделю спустя Пушкин написал Петру Плетневу: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь».

Однако перемены все же случились. Поначалу предполагалось, что молодожены будут полгода жить в Москве, но уже через два месяца Пушкины уезжают в Царское Село: Наталья Ивановна продолжала донимать Пушкина, и Наталия Николаевна, разрывавшаяся между любимым мужем и матерью, которой привыкла подчиняться, очень от всего этого страдала. Когда Пушкины проезжали через Петербург, их видела графиня Долли Фикельмон, давняя поклонница и близкий друг Пушкина (говорят, что даже больше, чем друг). Она так описала эту встречу: «Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. <...> Жена его – прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем; у Пушкина видны все порывы страстей; у жены – вся меланхолия отречения от себя». Позже она же написала: «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение лица заставляет меня трепетать за ее будущее... Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике, эта женщина не будет счастлива, в этом я уверена! Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется и весь ее облик как будто говорит: «Я страдаю». Да, какую же трудную предстоит ей нести судьбу – быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин».

Быть женой Пушкина действительно было трудно. Он, настоящий донжуан до свадьбы, не перестал быть им и после – среди его возлюбленных называют даже сестру Наталии Александрину Николаевну. Ревность Наталии Николаевны его только смешила. Был у нее и такой – серьезный для любой женщины – повод обижаться: Пушкин не присутствовал при рождении ни одного из своих детей, которых было четверо: в мае 1832 года родилась дочь Мария, затем в июле 1833-го – сын Александр, в мае 1835-го – Григорий и в мае 1836-го – Наталия. Перерыв в рождении детей был связан с тем, что в марте 1834 года у Наталии Николаевны, утомившейся

на масленичных балах, случился выкидыш. В свете не преминули посплетничать о том, что случившееся – следствие побоев мужа.

Ее тоже обвиняли. Друзья Пушкина – в глупости и нежелании разделять его интересы, в непонимании его поэзии. И это при том, что сам Пушкин много говорил об уме Натали и о том, как она помогает ему советами; известно, что она, например, выполняла редакционные поручения для «Современника» в отсутствие Пушкина в Петербурге и сильно помогла журналу, достав для его издания бумагу. Враги же обвиняли Наталию Николаевну во многих грехах, главными из которых были кокетство и холодность.

Возможность кокетничать появилась у Наталии Николаевны уже в первое лето в Царском Селе: ее красоту заметили при дворе, и императрица пожелала видеть ее на придворных балах. Переехав осенью в Петербург, Наталия Николаевна уже была признанной первой придворной красавицей. В немалой степени это было заслугой ее тетки по матери, фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской, охотно дававшей любимой племяннице деньги на туалеты и обладавшей огромными связями в придворных кругах. В ноябре 1831 года сестра Пушкина, Ольга Сергеевна, писала своему мужу Николаю Павловичу: «Моя невестка – женщина наиболее здесь модная; она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она – первая красавица; ее прозвали Психеей». Пушкину нравилось то восхищение, которое вызывала в свете его Натали, он вывозил ее постоянно, гордясь красотой жены – и в то же время тяготясь ею, обилием ее поклонников. Дань ее красоте отдал сам император Николай – он открыто ухаживал за Натали, чем вызывал бешенство Пушкина. Из-за того, что императору хотелось видеть Натали на балах в Аничковом дворце (туда, по традиции, приглашались только избранные, лица с придворными званиями), Пушкину был пожалован чин камер-юнкера: младший придворный чин, который обычно получали выпускники придворных учебных заведений.

Но самой Натали никакие сплетни не касались: ее спокойствие и чистота, абсолютная правдивость и искренность ставили ее вне любых подозрений. До тех пор, пока в Петербурге не появился молодой красавец-француз, барон Жорж-Шарль Дантес.

Дантес бежал из Франции после падения Бурбонов. По дороге в Россию он познакомился с голландским посланником в России Якобом-Теодором ван Геккереном и так ему понравился, что Геккерен предложил ему ехать в Россию вместе. В Петербурге Геккерен продолжал покровительствовать Дантесу: содержал, устроил в лучший в России полк – кавалергардский гвардейский, ввел в великосветские круги. Через два года Геккерен даже усыновил Дантеса и сделал наследником своего немалого состояния. Какие бы на самом деле ни были между ними отношения, молва утверждала: Геккерен был влюблен в своего приемного сына. Тем не менее он трогательно заботился о будущем Дантеса и подыскивал ему жену с хорошим приданым.

С Пушкиным Дантес познакомился летом 1834 года и вскоре стал часто бывать у Пушкиных. Дантес сразу же страстно влюбился в Натали, а в него – не менее страстно – влюбилась Екатерина Гончарова, самая глупая и некрасивая из сестер, на четыре года старше Дантеса. Обе сестры Натали по ее желанию уже несколько лет жили в доме Пушкиных: сам Пушкин сначала возражал, но потом понял, насколько тяжело им приходится рядом с матерью, и взял их к себе. Екатерина, желая чаще видеть Дантеса, сама устраивала его встречи со своей сестрой. Дантес ухаживал открыто, вызывая, нагло: некоторые из друзей Пушкиных отказали ему от дома, когда он у них в гостях приставал к Натали. Но именно открытость и навязчивость его ухаживаний снимали с Натали все подозрения.

Летом 1836 года Екатерина Гончарова оказалась беременной. Геккерен изо всех сил возражал против женитьбы на ней своего приемного сына; он был против и увлечения Дантеса Наталией Николаевной. Открытое увлечение его приемного сына этой замужней красавицей – по слухам, любимицей самого императора – могло негативно сказаться и на матримониальных перспективах Дантеса, и на карьере самого Геккерена. Возможно, именно он приложил руку к анонимному пасквилю – диплому ордена Рогоносцев, который Пушкин и несколько его друзей

получили в ноябре. Пушкин заподозрил в авторстве Геккеренов и послал им вызов. Геккерен, напуганный возможностью скандала, сделал все, чтобы замять дело: они с Дантесом приехали к Пушкиным и сделали предложение Екатерине, будто бы Дантес с самого начала ухаживал именно за нею. Пушкин дал согласие, и 10 января 1837 года состоялась свадьба. Екатерина была счастлива. Но Дантес не прекратил волочиться за Натали. Было даже тайное свидание: троюродная сестра Натали Идалия Полетика, по неизвестной до сих пор причине ненавидевшая Пушкина, по просьбе Дантеса пригласила Натали к себе – а сама скрылась, оставив их наедине. Дантес объяснялся Натали в любви, угрожал застрелиться – та не знала, что делать, и только неожиданно вошедшая дочь Идалии прервала эту тяжелую для нее сцену.

Пушкин тяжело переживал сложившуюся ситуацию. Все говорили, что он стал очень нервным, возбужденным, на него было тяжело смотреть. Тем не менее он настаивал на том, чтобы Наталия Николаевна продолжала выезжать – желая таким образом подчеркнуть, что им нечего бояться сплетен. Он был абсолютно уверен в невинности Натали, но наглое поведение Дантеса выводило его из себя. На одном из балов тот во всеуслышание говорил скабрёзности в адрес Натали – Пушкины тут же уехали, и на следующий день Дантес получил повторный вызов, который на этот раз был принят.

Дуэль состоялась 27 января 1837 года. О ней знали несколько человек, но никто из них ничего не сказал Натали. Пушкин уехал, когда жена с детьми была в гостях. На Дворцовой набережной Пушкин и его секундант Данзас встретили коляску с Наталией Николаевной – но она, близорукая, их не заметила, Пушкин смотрел в другую сторону, а Данзас не осмелился ее окликнуть...

Стрелялись на Черной речке. Пушкин был ранен в низ живота, упал, но нашел в себе силы выстрелить в Дантеса, ранив того в руку. Когда Александра Сергеевича принесли домой, Натали упала в обморок.

Умер Пушкин через два дня. Все это время он, несмотря на страдания, утешал жену, убеждая всех собравшихся в ее полной невинности. Натали старалась ухаживать за мужем, хотя он, не желая, чтобы она видела его мучения, не пускал ее в комнату. 29 января его не стало... Она осталась вдовой в 24 года, с четырьмя маленькими детьми на руках.

По свидетельству друга Пушкиных, княжны Долгоруковой, Екатерина Дантес знала о предстоящей дуэли. Когда Долгорукова после дуэли приехала к Екатерине, та выбежала, нарядная, с радостным криком: «Какое счастье, Жорж вне опасности!» Правда, узнав о тяжелом состоянии Пушкина, заплакала... Когда Дантеса за участие в дуэли выслали из России, Екатерина пришла попрощаться с сестрами – и заявила Наталии, что «все ей прощает». Больше сестры не виделись – при родах четвертого ребенка Екатерина Дантес де Геккерен скончалась.

Императорским указом казна оплатила все долги Пушкина, вдове и детям была назначена пенсия. Если бы не это, семье пришлось бы очень тяжело...

Умирая, Пушкин велел жене: «Ступай в деревню, носи траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Наталия Николаевна была в трауре более четырех лет, да и потом каждую пятницу – день смерти Пушкина – облачалась в траур, молилась и соблюдала строгий пост. Поначалу Наталия с детьми и Александрина жили в Полотняном Заводе, но через два года, устав от постоянных сцен матери и невестки, жены старшего брата Дмитрия Николаевича, – вернулись в Петербург. Там они поселились на Аптекарском острове: скромно, уединенно, никуда не выезжая. Старинный друг Пушкина Петр Плетнев писал: «Живут совершенно по-монашески. Никуда не выезжают. Пушкина очень интересна. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно-возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе».

Наталия Николаевна преданно хранила память мужа: берегла его рукописи и письма, которые были у нее сложены в особые папки по датам; заботилась об издании его произведе-

ний, своими силами поставила мраморный памятник на могиле мужа в Святогорском монастыре недалеко от родового имения Пушкиных Михайловского.

В конце декабря 1841 года Натали, покупая детям подарки на Рождество, столкнулась с Николаем – и через несколько дней император пригласил ее снова бывать при дворе. Желание императора было равносильно приказу. И опять начались балы, приемы, победы... Но она отказывалась от всех брачных предложений: кто-то, как она понимала, сватался не к ней, а лишь к вдове великого поэта, кто-то не смог бы стать достойным отцом ее детям, а дети были для нее важнее всего.

Но в 1844 году к Наталии Николаевне посватался кавалергардский офицер, генерал-майор Петр Петрович Ланской. Именно Ланской семь лет назад по просьбе Полетики, в которую тогда был влюблен, сторожил ее квартиру, пока Дантес объяснялся там с Натали. Кстати, все знавшие Ланского однозначно утверждали, что он никогда бы не связал с нею свою судьбу, если бы не был абсолютно уверен в ее чистоте и невинности, – его понятия о чести были очень строгими. Ланскому было сорок пять лет, он был очень красив и добродушен. Неизвестно, почему Наталия Николаевна приняла именно его предложение, но в браке с ним она – по своему собственному признанию – наконец нашла свое женское счастье. Император Николай хотел быть на свадьбе посаженным отцом, но Наталия Николаевна настояла, чтобы все было как можно скромнее.

Во втором браке Наталия Николаевна родила еще трех дочерей – Александрина, Софью и Елизавету.

Дети составляли теперь главный смысл жизни Наталии Николаевны. Больше всего хлопот доставляли уже подросшие старшие, особенно Наталия. Внешне очень похожая на отца, она тем не менее была настоящей – в мать – красавицей. Когда ей было всего 15 лет, в нее влюбился Михаил Дубельт, ровно в два раза старше неё. Это был сын Леонтия Дубельта, начальника корпуса жандармов, в свое время попортившего немало крови Пушкину. У Михаила была масса недостатков: легкомысленный, игрок, с взрывным характером, но очень красивый, умный и обаятельный. Несмотря на все возражения семьи, Наталия Александровна в 1853 году обвенчалась с ним. Брак продлился недолго: Дубельт промотал все приданое жены, бурно ее ревновал и даже бил – на теле Наталии на всю жизнь остались следы его шпор. В 1862 году она, забрав своих троих детей, уехала от мужа – сначала к тетке в Венгрию, затем в Ниццу. Детей она оставила матери. Перед отъездом дочери за границу Наталия Николаевна вручила ей единственное, что у нее было ценного, – письма к ней Александра Пушкина и свои письма к нему. В случае нужды за них можно будет получить хорошие деньги. Письма эти Наталия Александровна через много лет продала за 5000 золотых Ивану Тургеневу, который успел опубликовать только пушкинские письма.

В Ницце Наталия Александровна сошлась с принцем Николаем Вильгельмом Нассау, с которым была знакома еще с 1856 года. В 1867 году они обвенчались, и ей был пожалован титул графини Меренберг. Венчание проходило в присутствии английской королевы Виктории в Лондоне. Официальный развод с Дубельтом состоялся только через год.

В этом браке у нее было еще трое детей. Старшая из них Софья в 1891 году вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича, внука императора Николая I. Таким образом, сложные отношения Пушкина и императора нашли своеобразное завершение... Александр III, категорически не одобрявший морганатические браки в своей семье, в гневе навсегда запретил своему двоюродному брату и его жене возвращаться в Россию. Софье и ее потомкам королева Виктория пожаловала титул графов де Торби.

Мария Александровна Пушкина вышла замуж только в 1860-м, когда ей было без малого 27 лет, за Леонида Гартунга, однополчанина ее брата Александра. На фоне все еще ослепительной матери и прекрасной сестры Мария не выглядела красавицей – но Лев Толстой, оча-

рованный ее портретом работы Ивана Макарова, придал своей Анне Карениной внешность Марии Гартунг.

Наталия Николаевна в это время уже тяжело болела – легкие. Зимой 1861 года она уехала с мужем и младшими детьми на лечение за границу. Именно там красота Наталии Николаевны блеснула в последний раз. Она, после смерти Пушкина всегда одевавшаяся очень скромно, обычно в темные платья, пошла на маскарад (кстати, это был первый бал ее дочери Александры) – и произвела настоящий фурор. Ей было пятьдесят. А на следующий год Наталия Николаевна, возвращаясь из Москвы с крестин своего внука, Александра Александровича Пушкина, сильно простудилась – и через два месяца, 26 ноября 1863 года, умерла. Ее похоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. На ее могиле лежит простая плита с надписью: «Наталия Николаевна Ланская».

Петр Ланской пережил жену на четырнадцать лет. Последние годы он, тяжелобольной, каждый вечер говорил: «Одним днем еще ближе к моей драгоценной Наташе!»

Старший сын Пушкина Александр сделал военную карьеру, дослужившись до чина генерал-майора. В 1858 году он по большой любви женился на Софье Александровне Ланской, племяннице и воспитаннице отчима, Петра Ланского. Влюбленных даже не хотели венчать, посчитав их кровными родственниками, – потребовались ходатайства Наталии Николаевны и личное распоряжение императора. Софья Александровна умерла через семнадцать лет, оставив после себя одиннадцать детей. Через восемь лет Александр женился вторично на Марии Александровне Павловой, надеясь обрести в ней достойную мать своим младшим детям, но – увы – брак этот счастливым не был... После отставки Александр Александрович занимался женским образованием – был членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов (где обучались дочери и члены семей русских офицеров; многие из воспитанниц были сиротами), председателем Московского опекунского совета, попечителем приютов и пансионатов. Он скончался в весьма преклонном возрасте в 1914 году.

Его брат Григорий в основном занимался попечением об отцовском наследстве – именно его трудами была сохранена и превращена в музей усадьба Пушкиных Михайловское. Он тоже служил, но рано вышел в отставку и поселился в Михайловском вместе со своей «гражданской женой» – француженкой, от которой у него было три дочери. Официально он женился не скоро, лишь после ее смерти, в 1883 году, на Варваре Алексеевне Мельниковой. В ее имении Маркучай под Вильно он прожил последние годы и скончался в 1905 году.

Наталию Николаевну и при жизни окружали сплетни и слухи, несправедливые обвинения и откровенная клевета. Все это продолжилось и после ее смерти, продолжается и до сих пор. Стало принято ругать Наталию Николаевну за все: за то, что вышла за Пушкина замуж, и за то, что, как принято говорить, она не любила его, хотя на самом деле все было иначе; за то, что вдохновляла, и за то, что была равнодушна; за то, что он любил ее, и за то, что ее любили другие. За то, что ей Богом была дана божественная красота, и за то, что величайший поэт России оценил эту красоту. Ибо красота – была. Истинная, настоящая, «чистейшей прелести чистейший образец», как и вся жизнь этой удивительной женщины, озарившей своим светом мир...

Мата Хари. Женщина, умевшая любить

Трудно назвать другую женщину, чья жизнь была бы окутана таким же плотным коконом выдумок, сплетен и слухов, как жизнь Мата Хари. Женщина, выступавшая под этим именем, родилась почти полтора века назад, но Мата Хари всегда будет молодой. Легенда, в которую она превратилась еще при жизни, продолжала развиваться еще многие десятилетия после ее гибели. Имя Мата Хари давно стало нарицательным – и как синоним любовных страстей, и как символ высочайших вершин шпионажа. И ее танцы, и ее смерть привлекали к себе огромное внимание – но до сих пор мало кто знает, кем же на самом деле была знаменитая танцовщица и не менее знаменитая шпионка Мата Хари...

Тринадцатого марта 1905 года немногочисленная, тщательно отобранная публика с любопытством разглядывала помещение библиотеки Музея Гиме, которая тем вечером была превращена в некое подобие индийского храма: везде свечи, восемь колонн были украшены цветами, в глубине зала – статуя Шивы, а в центре, окруженная четырьмя девушками в черных туниках, извивалась индийская танцовщица в весьма откровенном наряде: нагрудная повязка с вышивкой, обвязанный вокруг бедер кусок ткани и несколько браслетов. Танцовщица была приглашена в качестве живой иллюстрации к лекции самого Эмиля Гиме, известного знатока Востока, об индийских храмовых танцах – и уже первыми своими движениями заставила всех присутствующих забыть и о лекции, и обо всем на свете. А когда в конце выступления ткань с

бедер соскользнула и танцовщица предстала перед зрителями почти совершенно обнаженной, вопль восторга, обычно неуместный в музейных стенах, потряс здание.

На следующий день журналисты, присутствовавшие на выступлении в Музее Гиме, разнесли по всей Франции весть о Мата Хари, о ее владении священным искусством храмовых танцев и о ее божественном теле. Газеты захлебывались похвалами в адрес прекрасной танцовщицы, и зрители, которым удалось воочию увидеть выступление Мата Хари, передавали друг другу восторженные отзывы как о самих танцах, так и о редкостной красоте их исполнительницы. Говорили, что Мата Хари, чье имя в переводе означает «око зари», родилась в Южной Индии и с детства была обучена священным танцам. С тринадцати лет она танцевала обнаженной в храме в Канда Свани, и танцевала бы и дальше, но влюбленный английский офицер женился на ней и привез ее в Европу.

К сожалению, в этой красивой истории не было ни слова правды.

Мата Хари не была ни танцовщицей, ни индианкой, ни даже Мата Хари. Ее звали Маргарета Гертруда Зелле, и ее родиной был тихий городок Леуварден в нидерландской провинции Фрисланд. Она родилась 7 августа 1876 года в семье владельца шляпного магазина Адама Зелле и его жены Антье Ван дер Мелен, и ее детство было обычным, ничем не примечательным детством девочки из хорошо обеспеченной семьи: три младших брата, балующие единственную дочь родители, частная школа с тремя иностранными языками и любовь к музыке. Но Маргарета все же выделялась среди сверстниц – и рано проявившейся красотой, и бурной фантазией, и стремлением любой ценой привлечь к себе внимание. Ее соученицы вспоминают, что Маргарета приходила в школу в невероятных для провинциального городка вызывающих нарядах, сшитых из необычных ярких тканей. А ее фантастические рассказы о своей семье и ее прошлом были до того правдоподобны, что им бы безоговорочно верили – если бы Маргарета не выдумывала все время новые.

Но действительность была и трагичнее, и обыденнее. Адам постепенно разорялся, и вместе с долгами росло его раздражение на жену и детей. Долги в 1889 году привели к банкротству, постоянные ссоры – к разводу. Через девять месяцев после развода – в мае 1891 года – Антье Зелле умерла. Ее бывший муж к тому времени уже жил в Амстердаме. Детей разобрали родственники: Маргарета поселилась у крестного, господина Фиссера, который вскоре решил отправить девочку в Лейден – в пансион, готовящий воспитательниц детского сада. Более неподходящей профессии для непоседливой и независимой Маргареты трудно было придумать: неудивительно, что вместо занятий она строила глазки директору школы. До сих пор биографы спорят, кто кого соблазнил, но итог все равно был предрешен – Маргарета была вынуждена оставить школу.

Она переехала к своему дяде в Гаагу. В то время это был город, где проводили отпуск офицеры голландской колониальной армии – они служили в Голландской Индии (современной Индонезии) и приезжали поправлять здоровье на близлежащих курортах. Бравые мужчины в мундирах были покорены красотой юной Маргареты, а она, в свою очередь, была на всю жизнь очарована военными. Это пристрастие к мужчинам в военной форме преследовало ее всю оставшуюся жизнь.

Дядя, прекрасно видя легкомысленную натуру своей племянницы, держал ее под строгим контролем. Единственным способом вырваться из-под его опеки было замужество, а единственной возможностью познакомиться с потенциальным женихом – брачная колонка в местной газете, поскольку все знакомства на улице дядя пресекал на корню. Ее внимание привлекло объявление: «Офицер из Голландской Восточной Индии, находящийся сейчас в отпуске дома, хочет познакомиться с милой девушкой с целью последующего супружества». Маргарета ответила, приложив к письму фотографию.

Письмо было размещено от имени Рудольфа МакЛеода. Потомственный военный, племянник адъютанта короля Вильгельма III и двоюродный брат вицеадмирала, он прибыл на

родину для поправки изрядно расшатанного за шестнадцать лет в колониях здоровья. Друзья решили, что Рудольфу – или Джону, как его называли, – срочно необходимо жениться, и втайне от него разместили брачное объявление. Сам МакЛеод, узнав об этом, велел возвращать все письма в редакцию нераспечатанными – однако некоторые он все же прочел, и одним из них было письмо от юной Маргареты Зелле, чье лицо на фотографии сразило Рудольфа наповал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.